

Ночью Дуань Лин лежал совершенно неподвижно, как вдруг почувствовал, что У Ду шевелится. Он поднял руку, которую Дуань Лин перекинул через его ребра, и аккуратно положил ее на кровать, а затем осторожно подхватил его ногу, чтобы она бесшумно соскользнула с его талии.

Дуань Лин подумал: неужели нужно быть таким осторожным, когда просто встаешь пописать?

Отцепив Дуань Лина от себя, У Ду перевернулся и одним плавным движением, бесшумно ступая босыми ногами, слез с кровати. Он подобрал спрятанную ранее черную одежду разбойника и надел ее обратно.

— Куда это ты собрался?

Это заставило У Ду вздрогнуть.

— Возьми меня с собой. Возьми меня с собой.

— Сейчас середина ночи. Почему ты еще не спишь? — спросил У Ду.

— Но ты тоже не заснул.

Дуань Лин смутно догадывался, что собирался сделать У Ду.

— Ты направляешься в комнату Бянь Линбая?

У Ду утвердительно хмыкнул.

Умно, подумал Дуань Лин. Поскольку враг только что сбежал, несмотря на то, что охрана за пределами поместья будет усилена, именно сейчас Бянь Линбай будет наиболее беспечен. Ведь если убийца не справился с заданием, он на время отступит, затаится и будет ждать следующего шанса нанести удар.

У Ду на мгновение замешкался, прежде чем толкнуть дверь.

— Не надевай обувь. Она будет шуметь. Пойдем.

Дуань Лин вышел из комнаты в исподнем, в котором спал, так что один из них с ног до головы был одет в белое, а другой — в черное. Дуань Лин даже не знал, что ему на это ответить: я и так очевидная мишень в темноте, так что есть ли вообще смысл в том, что ты переоделся во все черное, У Ду? Если нас поймают, то все равно обоих.

Как раз в тот момент, когда он собирался выйти во двор, У Ду подхватил его под руку и прыгнул вверх.

Он уже был не так мал, но У Ду, казалось, нес его без усилий, и они быстро пронеслись по двору, пока не оказались в деревянной галерее. Тихонько толкнув дверь, они зашли внутрь. У Ду взял Дуань Лина за запястье и потянул его в угол, где они слились с тенью и стояли очень тихо. В это время мимо пронеслись два ночных патрульных, разминувшись с ними на несколько секунд.

У Ду осмотрел окрестности, его ухо слегка подрагивало, затем он обхватил Дуань Лина за талию и запрыгнул на карниз. Одним махом он перемахнул с балки на крышу. Дуань Лин не мог не вспомнить ту ночь в Шанцзине, когда Ли Цзяньхун взял его на руки и понес по стенам, и как они летали по крышам, спасая Бату.

Луна над Тянь-Шанем восходит, светла, и бел облаков океан*.

* Первая строка стихотворения Ли Бо «Луна над пограничными горами». Речь идет о солдатах, охраняющих границу, которым редко удавалось вернуться домой. Это один из вариантов перевода, но последнюю строку следует трактовать как то, что член семьи вздыхает, глядя на ту же луну над горным перевалом, где стоят на страже солдаты, поскольку «высокий купол» здесь означает комнату женщины/жены, что вполне соответствует мыслям в голове Дуань Лина, ведь у него тоже были родственники, которые ушли на войну и не вернулись домой. Полный перевод стихотворения А.А. Ахматовой:

https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=2757

Под яркой луной в сердце Дуань Лина вдруг зародилось странное чувство к У Ду — как будто отец вновь вернулся к нему.

Он повернул голову и уперся в плечо У Ду, обхватывая его за талию.

У Ду уже был готов промчаться по последней секции галереи, как вдруг поскользнулся и упал в воздухе вместе с Дуань Лином, обрушив на себя громкий ливень из черепицы. Дуань Лин едва не вскрикнул, когда они вдвоем упали во двор.

— Кто там?!

— Убийца!

Шум сразу же насторожил стражников, и, судя по выражению лица У Ду, он вот-вот лишится рассудка, в то время как Дуань Лин оставался в полном неведении относительно того, что только что произошло. Они спрятались за декоративной скалой, и выражение лица У Ду, уткнувшегося лицом в руку, ясно говорило: «Моя легендарная репутация только что пошла коту под хвост».

Оружие было наготове, стражники осторожно шли по коридору, проверяя каждый уголок, но ничего не нашли. У Ду подобрал камень и бросил его в сторону внешнего двора; он прочертил в воздухе дугу и с грохотом упал на крышу в дюжине шагов от них.

— Он пошел туда! — произнес стражник. — За ним!

И вот уже во дворе не было стражников. У Ду злобно уставился на Дуань Лина:

— Что ты учудил?

— Я ничего не делал. Разве я что-то сделал?

Но тут появились новые люди, поэтому У Ду осталось только прервать разговор и быстро провести Дуань Лина по коридору, пока они не оказались перед комнатой Бянь Линбая. Он приложил палец к его губам, жестом показывая Дуань Лину молчаливое «Ш-ш-ш», и сердце Дуань Лина бешено забилося в груди. Во дворе двое мужчин стояли на страже, поэтому У Ду обошел дом с другой стороны и приблизился к окну.

Высокий и стройный, одетый в черное, У Ду стоял у окна, выставив босые ноги и повернув ухо в сторону комнаты. Мир казался совершенно неподвижным; когда Дуань Лин закрыл глаза, он словно слышал, как в ночной тишине распускаются цветы.

— Не могу поверить, что он проснулся в такой час.

У Ду открыл дверь и зашел внутрь. Дуань Лин последовал за ним, закрывая за собой окно. В комнате не было ни души, и он понятия не имел, куда делся Бянь Линбай — видимо, он был так напуган, что разговаривал со своими советниками.

Карта сокровищ на столе исчезла. Бянь Линбай, должно быть, забрал ее с собой.

— Вот эта плитка.

Дуань Лин нащупал плитку на полу.

У Ду подошел к нему, шагнул на нее, а затем посмотрел вверх — ничего не произошло, в комнате ничего не изменилось. Он велел Дуань Лину встать, и они оба повернулись к стене. На ней был желобок, а также следы того, что по одной из сторон желобка скребли металлическим предметом. В тот момент, когда У Ду достал кинжал и воткнул его в выемку, стена отошла и бесшумно раздвинулась.

— Нашел!

Дуань Лин увидел за стеной темную комнату, достаточно большую для одного человека. Внутри было множество томов в нитяных переплетах. Он взял один из них и открыл, обнаружив, что он был полон имен, а также страниц писем.

— Быстрее, — торопил его У Ду.

Дуань Лин достал одну из книг и при слабом свете луны проверял ее содержимое: это была бухгалтерская книга, заполненная списками имен, которые Дуань Лин не очень-то узнавал. За именами стояли цифры.

— Это, должно быть, список взяток.

Дуань Лин не знал ни одного чиновника, работающего при императорском дворе, поэтому не мог соотнести список с чем-либо; он хотел просмотреть письма.

— Не заморачивайся с письмами. Мы уйдем, как только ты что-нибудь найдешь. Мы можем не торопиться и просмотреть остальное, когда он будет мертв.

Раз уж им удалось найти тайник с информацией, то можно смело избавляться от Бянь Линбая, однако впереди еще слишком много переменных. Если армия Тунгуань взбунтуется или если кто-то еще из его советников узнает об этой комнате, то их ждет еще одна неприятность.

Он все еще копался в книгах, как вдруг снаружи раздались шаги. Лицо У Ду потемнело, он прижал к себе Дуань Лина и, проскользнув с ним в комнату, быстро положил руку на край стены и начал бесшумно отодвигать ее.

Дуань Лин затаил дыхание. У Ду с закрытыми глазами считал шаги новоприбывших. В тот самый момент, когда шаги прекратились и Бянь Линбай открыл дверь, в замке раздался лязг шестеренок. У Ду словил нужный момент, чтобы задвинуть стену.

Одна дверь открылось, а другая закрылась; шум от одной безупречно перекрывал шум от другой.

— Ты мне скажи. Что нам теперь делать? — раздался голос Бянь Линбая с другой стороны потайной комнаты.

Внутри тайника было очень тесно, и теперь, когда они вдвоем втиснулись в пространство, предназначенное только для одного, Дуань Лину и У Ду оставалось только крепко прижаться друг к другу. Он не знал, куда деть руки, и после нескольких попыток найти для них место У Ду осталось только опустить голову, чтобы Дуань Лин мог обхватить его за шею.

Их дыхание смешалось, а сердце У Ду билось так, будто целый отряд кавалерии топтал землю, подбираясь к Дуань Лину.

— Я уйду сегодня вечером, — звучал мрачный и хриплый голос Хэлань Цзе. — Возможно, он еще не успел уйти далеко. Я отомщу ему за руку, которую он у меня отнял.

Бянь Линбай сурово произнес:

— А как же тогда план, о котором мы договорились?! Ты думал, что сможешь уйти, когда пожелаешь?!

— Бянь Линбай! — послышался сиплый крик Хэлань Цзе, который смешался со звуком разбивающегося о пол чернильного камня и чашки для мытья кистей, а затем громкий стук упавшего стула.

— Не забывай, кто заставил меня прийти сюда, — угрожающе заговорил Хэлань Цзе.

Гнетущий настрой Бянь Линбая сразу же ослабел. Не открывая глаз, Дуань Лин догадался, что Хэлань Цзе, скорее всего, прижимает свой железный крюк к его горлу.

Бянь Линбай сказал:

— Если ты сейчас уйдешь, кто оборвет жизнь Хэлянь Бо? Не забывай, что твой хозяин, господин Хэлянь Да, не хочет, чтобы он умер в Великой Чэнь, и еще меньше он склонен позволить ему умереть в Силян.

Сердце Дуань Лина подскочило к горлу. Он услышал, как Хэлань Цзе сердито хмыкнул.

— Разумеется, я выполню свой приказ.

— Как ты можешь быть уверен...

— Не тебе об этом беспокоиться, — добавил Хэлань Цзе.

— Когда ты вернешься? — тихо произнес Бянь Линбай. — Назови мне дату. Мы не можем больше тянуть с этим. То, о чем я договорился с Хэлянь Да, еще не выполнено — нужно уладить все как можно скорее.

— Определись с местом засады прямо сейчас. Я отправлюсь туда через семь дней, чтобы встретиться с тобой. Что касается того, как мы заманим туда Хэлянь Бо, то это уже твоя забота.

— Я не знаю ни одного подходящего места... — взволнованно говорил Бянь Линбай, а его шаги заполняли всю комнату.

Дуань Лин поднял голову и увидел в глазах У Ду замешательство; он поднял руку, желая написать на У Ду пальцем, но тот схватил его за ладонь и покачал головой, давая понять, чтобы он не делал никаких движений, чтобы не было ненужных последствий.

Но Хэлань Цзе не хотелось ждать.

— Просто выбери место. Хватит разговоров.

— Так не пойдет!

Бянь Линбай поспешно взял со стола карту.

— Это не карта размещения войск.

Хэлань Цзе больше не говорил, он покинул комнату подобно порыву ветра, и исчез.

— Подожди!

Бянь Линбай отложил карту сокровищ и быстро выбежал из комнаты.

Когда шаги стали все более отдаленными, дверь в потайную комнату снова открылась. Из нее вышли Дуань Лин и У Ду, насквозь промокшие от пота.

— Быстрее, — сказал У Ду, — Бянь Линбай сейчас вернется.

Дуань Лин все еще думал о том, что они говорили ранее, и на мгновение отвлекся. Он ответил:

— Хорошо... хорошо! Нашел!

У Ду засунул книгу под лацкан Дуань Лина, снова взял его на руки и выпрыгнул в окно. Вскоре от входной двери донесся еще один звук — это вернулся Бянь Линбай.

Было близко. Вспоминая их вечернюю миссию, Дуань Лин подумал, что способность У Ду угадывать время поистине поразительна.

Уже близился рассвет. Они вернулись в свои комнаты, и У Ду набрал ведро воды, чтобы вымыть ноги. Он спросил Дуань Лина:

— Это оно?

У Ду перелистывал страницы под отблеском рассвета.

— Это оно.

Это был том без названия, в строках которого было указано количество серебра, потраченного на покупку лошадей и железных изделий, а также список задолженностей. К удивлению Дуань Лина, Бянь Линбай действительно был должен тангутам сто двенадцать тысяч таэлей серебра — неудивительно, что он так торопился откопать сокровища, чтобы пустить их в расход.

— Давай сделаем это сегодня. Иди поспи, я разбужу тебя после того, как отравлю его, и тогда мы уедем.

— Так не пойдет, — сразу же ответил Дуань Лин. — Мы не можем убить его прямо сейчас. Если Бянь Линбай умрет, а Хэлянь Да не вернутся деньги, он все равно все это время стремился получить право торговать в Тунгуань, так что он обязательно придет сюда с боем — только посмотри, сколько у него людей в засаде. Сычуань переносит столицу, и если они потеряют северо-западный рубеж, то на наших границах начнется еще больший хаос.

Когда У Ду услышал это, его брови сошлись, образуя между ними узкую складку.

— Убив его, мы сразу же вернемся и попросим канцлера Му прислать кого-нибудь еще.

— Кого? Если мы избавимся от Бянь Линбая сегодня, то даже на лучшей лошади, скачущей без остановки, уйдет шесть дней и шесть ночей туда и обратно. За шесть дней может произойти что угодно.

У Ду хмыкнул в знак согласия, но больше ничего не говорил.

Дуань Лин пристально посмотрел на него.

— Придумай что-нибудь. Чего ты на меня уставился? Разве я не взял тебя с собой, чтобы ты позаботился о таких вещах?

Дуань Лин на мгновение задумался, и вдруг ему в голову пришел дерзкий план: хотя убийца до сих пор остается загадкой, он уже сбежал, а Хэлань Цзе отправился за ним в погоню, чтобы отомстить за отнятую руку... неужели тот убийца отрубил руку Хэлань Цзе? Если это так, то семидневного срока, установленного Хэлань Цзе, вполне достаточно, чтобы У Ду успел съездить в Сычуань и вернуться в Тунгуань.

Пока Хэлань Цзе нет рядом, он будет в безопасности. Если он попросит У Ду отнести книгу и рукописное обращение в Сычуань, чтобы призвать Му Куанду дать свыше императорский приказ и отправить императорского посланника, тогда он сможет заключить союз с Хэлянь Бо и возглавить тунгуаньскую армию после смерти Бянь Линбая...

У Ду — единственный, кто может это сделать, но что они скажут Бянь Линбаю? Невозможно найти объяснение тому, что один из них вдруг просто уйдет. В конце концов, У Ду сам придумал оправдание, сказав Дуань Лину, что ему не нужно об этом думать, а о том, что будет позднее, они поразмыслят, когда Дуань Лин закончит писать это письмо.

В этом послании было задействовано все, чему Дуань Лин когда-либо учился в своей жизни. Он напрягал ум до боли, подражая официальному тону меморандумов Му Куанды, и в этой юношеской серьезности сквозила комичная нелепость. Писал — рвал, снова писал — и снова рвал: ему никак не удавалось подобрать нужные слова. Во-первых, нужно сообщить Му Куанде о ситуации в Тунгуань и напомнить, чтобы тот был осторожен, но не нужно преувеличивать и бить тревогу; во-вторых, он должен дать свою собственную искреннюю рекомендацию, но он не должен позволить Му Куанде узнать о своих корыстных мотивах, и он действительно не должен позволить ему догадаться о их личной дружбе с Хэлянь Бо; в-третьих, он должен четко проанализировать отношения между Яо Фу, Бянь Линбаем и Хэлянь Да.

Дуань Лин писал, а по мере написания перебирал мысли в голове. В настоящее время Яо Фу и Бянь Линбай находились на одной стороне: Яо Фу оставил свою племянницу на попечение Бянь Линбая, чтобы тот мог выдать ее замуж за Хэлянь Бо в Силян. Однако Бянь Линбай заключил тайное соглашение с дядей Хэлянь Бо — он не только предал Яо Фу, но даже планировал убить Хэлянь Бо за пределами Тунгуань, чтобы никто не узнал.

Стоит ли добавить к этому тот факт, что Хэлань Цзе участвовал в заговоре с целью убийства покойного императора? Дуань Лин еще немного подумал над этим и в конце концов решил промолчать. Тогда он выдвинул свою идею: использовать эту возможность для союза с Хэлянь Бо, обменяться выгодными для обеих сторон условиями, разделить права на управление Шелковым путем и убить Бянь Линбая. Таким образом, северный участок Шелкового пути окажется под контролем Хэлянь Бо, а южный перейдет к Му Куанде и императорскому двору Чэнь. Мотивы и планы Хэлянь Да будут раскрыты, Яо Фу ничего не получит, а Бянь Линбай будет мертв.

Но как только Бянь Линбай умрет, долговые расписки, которые хранились у Хэлянь Да, станут невозвратимыми долгами. Он, несомненно, вторгнется в Тунгуань и попытается захватить город, а затем продолжит поход на юг — каким бы некомпетентным он ни оказался, он, по крайней мере, разграбит Тунгуань и еще какое-то расстояние за ее пределами, прежде чем отступит.

Таким образом, если они не готовы возглавить армию Бянь Линбая, они не смогут его убить. Но если они не расправятся с Бянь Линбаем как можно скорее, он поднимет оружие против империи. Дуань Лину удалось изложить все это на бумаге, но к этому времени он уже был готов к тому, что Му Куанда разорвет его доклад на куски. Все, что ему хотелось сделать, это перевернуть стол и завывать от ярости — как такое вообще может случиться? Как можно за семь дней подчинить себе всю армию Тунгуань?!

Дуань Лина вдруг осенила идея — а не является ли он сам лучшим кандидатом?

Бянь Линбай говорил всем, что Дуань Лин — его племянник «Бянь Жун», а значит, если Бянь

Линбай умрет без видимых причин, он сможет продолжать держать форменную печать этого дядюшки, доставшуюся ему задаром, и призвать всех отомстить за него!

Это отчаянная мера, но Дуань Лин все равно подробно расписал ее, оставляя за Му Куандой право принять окончательное решение. Закончив писать письмо, он передал его У Ду. Тот листал бухгалтерскую книгу, не обращая внимания на письмо, и вместе с Дуань Лином отправился к Бянь Линбаю.

Бянь Линбай всю ночь носился, как курица с отрезанной головой, а теперь его снова разбудил У Ду; он выглядел по-настоящему несчастным.

— Мне нужно кое-куда сходить, — сказал У Ду Бянь Линбаю.

Бянь Линбай смотрел на них полусонными глазами.

— Я оставляю Чжао Жуна в твоих руках. Если с ним что-нибудь случится, я убью тебя.

И быстрым движением У Ду исчез из комнаты.

Бянь Линбай был все еще в оцепенении.

Дуань Лин тоже был не в лучшем расположении духа, и Бянь Линбай только вздрогнул, приходя в себя.

— Куда это он собрался?

— Он собирается отправиться на поиски одного предмета. Эту вещь называют Чжэньшаньхэ.

Бянь Линбай недоуменно посмотрел на Дуань Лина, но потом до него быстро дошло, что к чему.

— Где он собирается его искать? Он уже целый год как утерян.

— Может, это... из-за убийцы, который был здесь прошлой ночью?

Бянь Линбай метался по комнате и качал головой, не обращая внимания на слова Дуань Лина.

— Нет. Это маловероятно.

— Что такое Чжэньшаньхэ?

— Это меч покойного императора. С тех пор как монголы захватили Шанцзин, а покойный император скончался...

Конечно, Дуань Лин знал об этом, но когда слова выходили из уст Бянь Линбая, он все равно не мог не почувствовать острую боль в сердце.

—...Местонахождение Чжэньшаньхэ было потеряно. Может ли быть, что убийца вчера вечером был монголом? Хм...

— Как умер покойный император? Кто его убил?

— Ты не знаешь?

Бянь Линбай удивленно взглянул на Дуань Лина. Поскольку его все равно уже разбудили, он приказал слугам подать завтрак, и они уселись за стол, чтобы отведать каши.

У Бянь Линбая сложилось довольно благоприятное впечатление об этом «племяннике». В конце концов, он проделал такой путь и одним махом решил его долговые проблемы. До этого ему приходилось мириться с У Ду, но теперь, когда заноза в его боку исчезла, у него появился шанс хорошенько поболтать с этим племянником.

— Покойный император был настоящим мужчиной. Чтобы спасти Елюй Даши, он ворвался в Шанцзин и попал в засаду этого прохвоста Хэлань Цзе, выложившись на полную и погибнув в бою. Я никогда не боялся никого на земле и на небе — он был единственным исключением.

— Хэлань Цзе... неужели он...

Бянь Линбай утвердительно хмыкнул, с тоскливым видом глядя во двор.

— Через семь дней снова наступит Седьмое Седьмого. Уверен, ты понимаешь: я взял в оборот даже этого убийцу, так что у меня не осталось других вариантов. Даже если я не разберусь с семьей Му, как только смогу, семья Му все равно расправится со мной.

Дуань Лин подумал про себя: «Семья Му расправляется с тобой прямо сейчас, как говорится, хорошая мысль приходит опосля», но оставил это при себе.

— Дядя, тебе не стоит его бояться. Откопай сокровища, и у нас будет много денег. Тогда тебе даже не понадобятся средства от правительства.

Бянь Линбай дул на свою кашу, остужая ее во время трапезы. Он покачал головой и натянуто улыбнулся Дуань Лину.

— Но зачем Хэлань Цзе убивать покойного императора?

— Ну, этого я не знаю. Этот негодяй... — Когда Бянь Линбай перешел к этой части, Дуань Лин навострил уши, но Бянь Линбай понял, что чуть не проговорился, и сменил тон, —...отчаянный преступник. После убийства покойного императора он сначала сбежал в Силян, а потом, когда Силян не решилась его приютить, сбежал в Тунгуань.

Бянь Линбай закончил фразу долгим вздохом.

Его вздох звучал так тоскливо, что даже Дуань Лин почувствовал себя постаревшим. Ему очень хотелось узнать побольше подробностей, но слишком много вопросов могли вызвать подозрения.

Закончив есть, Бянь Линбай сказал Дуань Лину:

— Ладно, мы теперь единственные, кто остался в поместье. Возвращайся в свою комнату и собирайся, я скоро приду за тобой, и мы отправимся на прогулку.

Дуань Лин знал, что Бянь Линбай хотел проверить, не трогал ли кто его сокровища, и поэтому сразу же ответил ему согласием. Когда он уже собрался уходить, Бянь Линбай спросил его:

— У тебя еще остались дяди?

Дуань Лин покачал головой.

— Все из семьи Чжао умерли.

— Тогда отныне я твой настоящий дядя. Мы можем сказать об этом и другим — я просто скажу, что ты сын моего троюродного брата и приехал в Тунгуань, чтобы найти у меня приют.

Дуань Лин благодарно кивнул, а про себя подумал: мой настоящий дядя сейчас в Сычуани. Смотри, когда станешь призраком, чтобы дедушка не забил тебя до смерти.

Дуань Лин не смыкал глаз всю ночь. Так хотелось спать, что он едва мог держать глаза открытыми, и он вернулся в свою комнату, чтобы прилечь. Как только он заснул, его мысли закружились в голове; прошло несколько часов, и во сне он снова услышал ту песню «Радость встречи».

Странно, но он уже слышал ее в исполнении четырех разных людей — Лан Цзюнься, Сюн Чунь, Ли Цзяньхуна и У Ду. Больше всего его впечатлил тот день в Прославленном зале в Шанцзине, а потом та ночь после приезда в Сычуань, когда одиночество, казалось, росло из ночной тишины, а он стоял, прислонившись к двери, и слушал, как играет У Ду.

Лан Цзюнься.

При мысли о его имени Дуань Лин вздрогнул. Он даже не хотел думать о том, как он выглядит, или вспоминать его имя. Подсознательно он перевернулся, но не нашел У Ду. Открыв глаза, он почувствовал, что кто-то действительно играл на флейте, но как только он проснулся, музыка прервалась.

У Ду здесь нет.

Это первый раз за все эти месяцы, когда он разлучился с У Ду. До этого он всегда был рядом, когда Дуань Лин просыпался — может, он был на улице, занимался боевыми искусствами, может, поливал цветы во дворе, а может, наводил порядок в доме.

И вот теперь, когда он открыл глаза, комната казалась ему пустой, вид заходящего солнца заставлял его почувствовать себя особенно тревожным, и невыразимая паника грызла его сердце. Сегодня первый день. Осталось шесть дней.

Дуань Лин сидел и смотрел во двор с безучастным выражением лица. В Тунгуань наступила осень, мрачная, с шелестом листвы на ветру. Падала первая волна желтых листьев.

— У Ду... — пробормотал про себя Дуань Лин.

— О чем ты думаешь? — неожиданно спросил его У Ду, присевший у края кровати.

Дуань Лин чуть не выпрыгнул из кожи.

— Почему ты все еще здесь?!

— Ш-ш-ш...

У Ду был одет в черное одеяние разбойника и, приложив палец к губам, молчал, глядя на Дуань Лина блуждающим взглядом.

— Я все еще не уверен. Почему бы нам просто не уйти вместе?

— Нет. Мы не можем.

— Это слишком опасно.

У Ду нахмурился.

— Я действительно не чувствую себя спокойным, оставляя тебя здесь одного.

— А если я вот так просто уйду, что мы будем делать с Бянь Линбаем?

— Я подмешал в его кашу «Семидневное безумие». Через семь дней у него случится припадок, и он умрет от рвоты и кровотечения из ушей, глаз, носа и рта. Если мы вместе вернемся в Сычуань, то подоспеем сюда вовремя.

— А что, если у канцлера Му другие планы? Хэлань Цзе тоже вернется.

— А если тебя раскроют и ты умрешь, что мне делать?

Сердце Дуань Лина словно сжалось, когда он услышал это, но лицо У Ду выглядело очень спокойным, совсем не похожим на то раздраженное выражение, которое он обычно демонстрировал. Дуань Лин знал, что он всерьез задумался над этой проблемой. У Ду всегда так выглядел, когда был серьезно настроен.

Слегка нахмурившись, У Ду добавил:

— Первое, что я сделал, когда вышел из той комнаты, — отравил его кувшин, а потом следил за ним, пока он его не выпил. Я боялся, что он что-нибудь сделает с тобой, как только я уйду.

— Смотри, даже сейчас я в порядке.

Дуань Лин выглянул во двор и спросил У Ду:

— Куда он пошел?

— Он разговаривает с мастером Фэем. Он скоро придет к тебе.

— Помнишь ту фразу? Ту, что сказал тебе покойный император. Есть вещи, которые нужно делать, даже если знаешь, что это приведет к верной смерти.

У Ду замолчал. Его глаза были очень глубоко посажены и красивы. Он поднял бровь и посмотрел на Дуань Лина.

— Ты очень смелый.

У Ду улыбнулся.

— Но ты упустил из виду кое-что очень важное. Всего одну вещь. Ты уже думал об этом?

— Что? — промолвил Дуань Лин.

— Что мы будем делать, если он обнаружит, что книга пропала?

Словно только что очнувшись от сна, Дуань Лин сказал:

— Ты прав, это моя ошибка. Нужно было сделать копию и положить ее на место, но теперь уже слишком поздно. Если он спросит об этом, мы сможем только прикинуться дурачками. Она уже исчезла, так что же ему делать?

— Мастер Фэй сделал тебе копию. Я уже положил ее на место еще днем.

Хвала небесам. Дуань Лин покрылся холодным потом.

— Я уже был за городом, когда вспомнил об этом и вернулся, чтобы сделать копию, а потом пришел сюда, чтобы сообщить тебе.

У Ду пристально посмотрел на Дуань Лина, и тот заулыбался.

— Хм...

У Ду собирался заговорить, но, похоже, колебался.

Дуань Лин сидел на кровати и выглядел невозмутимо в белоснежной рубашке и штанах, которые надевал перед сном. У Ду бросил на него еще один взгляд и произнес:

— Я ухожу.

— Ты... будь осторожен, — сказал Дуань Лин.

— Я знаю, что ты умеешь пользоваться луком. Если тебе будет угрожать опасность, просто беги. Защити себя. Ты тоже... береги себя...

У Ду был высоким и стройным, он сидел неподвижно, лицом к лицу с Дуань Лином, и между ними было слышно лишь тихое дыхание. Во дворе сорвавшийся с ветки лист дрожал на ветру, пока не приземлился на цветущий куст, а пчела взмахнула крыльями и с жужжанием улетела.

У Ду повернулся, спрыгнул с кровати и быстрым шагом вышел из комнаты. Ухватившись за

карниз над головой, он исчез, взмахнув рукой и сделав кувырок.

Дуань Лин чувствовал себя немного потерянным, и не по какой-либо другой причине, а из-за давно забытых слов, которые прозвучали в его сердце в тот самый момент, когда они расстались. Этот голос нахлынул подобно приливу, неся с собой то, что раньше казалось бесконечной, бездонной печалью, устремившейся к нему, как стена воды. Но, подобно приливам и отливам, в тот момент, когда он уже готов был проложить путь в его сердце, он мягко отступил.

***

В сумерках, на узкой тропе Тунгуань.

У Ду направлял своего коня по горной тропе, въезжая в прерии.

— Пошел!

Он подстегнул скакуна изо всех сил: путь обратно в Сычуань легок и займет всего два дня с половиной. Возвращаться в обратную сторону придется в гору, но если все пойдет по плану, он сможет вернуться еще через три дня.

В конце непрерывной цепи горных вершин медленно садилось солнце, заливая пики темно-багровым светом и оставляя между ними рассеивающиеся тени. Он понятия не имел, когда это произошло, но в какой-то момент У Ду начал недолюбливать ночь. Каждый раз, когда на мир опускалась тьма, его охватывало опустошающее чувство, что еще один день вот-вот закончится. Неизвестно, с каких пор так сложилось, но он привык передвигаться днем и больше не хотел возвращаться в ночь.

«Ты — убийца. У убийц не бывает дней — только ночи». Этот голос снова раздался рядом с его ухом.

Он гнался за последним отблеском заката на западе, словно не желая, чтобы мир так быстро погрузился во тьму; он следил за последними лучами, пока солнце не село совсем, и тогда на небе за горами осталась лишь полоска прекрасного темно-синего цвета, навевающая безмятежный, ослепительно красочный сон.

Он до сих пор помнил, как не любил день, когда был маленьким, предпочитая ночь. Только слившись с темнотой он чувствовал себя в безопасности и спокойствии. И все же сейчас он пожелал бы жить в светлое время суток; день более захватывающий и гораздо более интересный. Утром, когда этот парнишка просыпался, он с улыбкой на лице болтал с У Ду, занимая себя тем или иным делом, и в одно мгновение мир вокруг него оживал.

Как только наступала ночь, они засыпали и переставали разговаривать, и У Ду словно

возвращался в свой собственный мир, чтобы охранять закрытую дверь и ждать, когда Дуань Лин снова проснется, чтобы они могли поговорить друг с другом. Проходил еще один день, было пора спать, и дверь снова закрывалась.

Это напомнило ему о западных часах, присланных из заморских земель в качестве дани, которые он однажды видел в усадьбе Чжао Куя. Когда наступало определенное время суток, на часах открывалась дверца, и из нее выходила весело щебечущая маленькая фигурка. Когда У Ду впервые это увидел, ему стало смешно. Но позже, даже зная, что человек появляется только в определенное время, он невольно задерживался у спальни, проходя мимо, будто надеясь дождаться того самого звонкого голоса.

В его жизни было так мало приятного, что У Ду не мог не сокрушаться о том, какое жалкое существование он влачил.

Взошли звезды, и Большая Медведица мерцала в осеннем небе, указывая ему путь. Через несколько дней наступит Седьмое Седьмого.

Как они проведут Седьмое Седьмого?*. Это будет последний день праздника, так что, вероятно, им будет нелегко выбраться... У Ду задумался о том, что с тех пор, как покинул секту, он всегда был сам по себе; праздники не радовали, и Новый год тоже терял смысл. На этот раз, покончив с этим заданием, они смогут отдохнуть.

* Напоминание: Дуань Лин сказал У Ду, что его день рождения — седьмого числа седьмого месяца (на самом деле он родился шестого числа двенадцатого месяца).

У Ду казалось, что он никогда не сможет заглянуть в сердце этого юноши: этот молодой человек по имени Ван Шань, казалось, что-то скрывал с того самого дня, как он появился у У Ду, что-то было зарыто так глубоко и спрятано так хорошо, словно на нем была маска. Однако, если хорошенько подумать, Ван Шань не предпринимал никаких действий, которые казались бы слишком странными.

Иногда он был хитер, как лис, а иногда казался совершенно бесхитростным. У Ду задавался вопросом, кто же он на самом деле...

С тихих ночных горных троп веял приятный ветер, и даже копыта лошади казались более легкими. Опавшие листья взлетали в воздух рядом с У Ду и шуршали, когда он оставлял их в дорожной пыли. Северные ворота Черной Черепахи тоже взошли*; двигаясь по извилистым горным тропам, У Ду направлял коня на юго-запад, к дороге в горах.

* Северные ворота — это китайское название Фомальгаута. Северные ворота Чаньяня во времена династии Хань были названы в честь этой звезды.

На следующее утро Дуань Лин проснулся на рассвете от продолжительного сна и выглядел совершенно изможденным.

Сегодня все вокруг заволгло густым туманом, и, выйдя со двора, он едва мог разглядеть собственные пальцы, не говоря уже о дороге. Дуань Лин подсознательно позвал У Ду, но перед этим вспомнил, что тот уже уехал в Сычуань. Пришел управляющий с сообщением, и Дуань Лин отправился к Бянь Линбаю.

Нога Фэй Хундэ уже почти восстановилась, и он вместе с Бянь Линбаем ждал, когда Дуань Лин придет завтракать. В комнате также находилось несколько военных.

Бянь Линбай обратился к Дуань Лину:

— Обстоятельства твоего прибытия несколько дней назад были довольно спешными, поэтому у меня не было возможности представить их. Они все заместители Тунгуань и принадлежат к поколению твоего дяди.

Дуань Лин уже собирался встать, чтобы поклониться, но офицеры вежливо отказались.

— О, в этом нет необходимости.

Бянь Линбай представлял их одного за другим: два вице-генерала, два полковника, один секретарь*. Одного звали вице-генералом Ван, другого — вице-генералом Се, а секретарь, напротив, был совершенно бесполезен. Если Бянь Линбай хотел что-то сделать, он всегда беседовал со своим блестящим советником Фэй Хундэ, а когда дело касалось внутренних дел, он еще менее охотно позволял секретарю вмешиваться. Поэтому, когда начинали подавать еду, полковники, а также секретарь удалились из комнаты, оставляя Вана и Се составить им компанию.

* Секретарь (書記), или дословно чиновник-осведомитель (должность в эпоху Троецарствия), отвечает за записи, но при этом обычно выступает в роли высокопоставленного советника.

Покончив с завтраком, Бянь Линбай поручил кому-то собрать людей, чтобы они вместе с ним и Дуань Лином отправились из Тунгуань в восточную часть Циньлина и проверили, в целости ли еще его сокровища.

Тунгуань был построен вблизи гор, с юга к нему вели дороги на Сычуань, с востока — на Хуайин и Шанцзы, а с севера — на Силян, и за него с незапамятных времен боролись полководцы.

Как только они выехали за перевал, Дуань Лин сидел верхом на фоне грандиозных гор и чувствовал, что мир перед ним расширился.

Подобно океану расстилались перед ним облака и клубился туман; чем выше он поднимался, тем шире становился горизонт. Горные хребты словно расступались по сторонам, открывая взгляду облачный водопад, низвергающийся с вершин в пропасти, а вдали, за грядями пиков,

бушевала Желтая река: её волны яростно бились о скалы, а горы, будто сомкнутые великаны, хранили молчаливый гнев. И среди этой первозданной мощи — тонкой нитью, как шов на теле земли, — вилась Тунгуаньская дорога*.

* Стихотворение Чжан Яньхао, поэта династии Юань, о пейзажах Тунгуань.

— Жун-эр.

Бянь Линбай ехал бок о бок с Дуань Лином на умеренной скорости.

— Да, дядя.

— Ты слишком немногословен, — сказал Бянь Линбай. — Вечно молчишь, будто в рот воды набрал. Очевидно, ты зрелый и серьезный, это правда, но если ты будешь так мало говорить, боюсь, что не смогу помочь тебе с продвижением.

— Так я всегда вел себя дома. Это дельный совет, дядя. С этого момента я постараюсь говорить чаще.

— Твой отец был осторожным человеком. Кто много говорит, тот много ошибается: чем больше болтаешь, тем больше совершаешь ошибок, это верно. А теперь скажи мне, что ты думаешь о нынешней ситуации между Ляо и Силян?

Дуань Лин знал, что Бянь Линбай планировал выступить против правительства, и намеренно не скрывал этого от Дуань Лина; смутно, но как бы намереваясь сделать это, он разглашал некоторые из своих планов, но не раскрывал общую схему. Предположительно, он хотел проверить Дуань Лина на преданность.

— Как скажешь, дядя, так я и поступлю.

Бянь Линбай разразился искренним смехом, никак не ожидая, что Дуань Лин так о нем скажет. Большинство глупцов не в состоянии увидеть собственную глупость, но они склонны быть бдительными по отношению к тем, кто оказался слишком умен — этому научил Дуань Лина Ли Цзяньхун.

— Мне нужно, чтобы ты кое с чем мне помог, — добавил Бянь Линбай. — Кажется, ты очень понравился тангутскому принцу. Окажи мне услугу и организуй с ним встречу — скажи, чтобы он встретил тебя за городом. Об остальном я позабочусь.

— Да, — не раздумывая, согласился Дуань Лин.

Бянь Линбай был немного удивлен тем, что тот не задает ему никаких вопросов, но такое

отношение к делу вполне его устраивало.

— Но я не совсем уверен, — задумался Дуань Лин. — А что, если он не захочет идти со мной? Я просто боюсь, что он может... что-то заподозрить? Кстати, дядя, а что мы вообще пытаемся сделать?

Бянь Линбай бросил на него загадочный взгляд.

— А ты сам не можешь додуматься?

Дуань Лин промолчал.

Бянь Линбай сказал:

— Проведи с ним еще немного времени. Если что-то не поймешь, спроси у господина Фэя.

Дуань Лин только кивнул. Он подумал про себя: неужели ты просто просишь меня воспользоваться своей сексуальностью? Но все оказалось как нельзя кстати — он все равно хотел поболтать с Хэлянь Бо.

Туман рассеялся, но Циньлин весь день был окутан темной тучей. Они добрались до места, где на Фэй Хундэ было совершено нападение.

Дуань Лин произнес:

— Это должно быть где-то здесь.

Бянь Линбай как раз собирался приказать своим людям провести обыск, когда Дуань Лин слегка дернул угол его халата.

— Дядя, я должен тебе кое-что сказать.

Бянь Линбай отошел от группы. Дуань Лину пришло в голову, что Фэй Хундэ в этот раз не пришел, и он должен был отдать должное старому лису — когда они были здесь в последний раз, Фэй Хундэ уже знал, что Дуань Лин нашел вход в сокровищницу! Но он ничего не сказал.

— У меня есть подозрения насчет одного места, — прошептал Дуань Лин Бянь Линбаю, — и я никому не говорил об этом.

— Отведи меня туда, — сказал Бянь Линбай.

Он оставил своим подчиненным распоряжение ждать его здесь и спросил Дуань Лина:

— Ты умеешь пользоваться мечом?

— Я умею пользоваться луком.

Бянь Линбай дал ему лук и колчан, а затем вручил и меч. Взяв меч в руки, Бянь Линбай подал сигнал Дуань Лину сесть на лошадь. Направив коня, он галопом помчал в лес.

— Сюда. Я видел его, когда мы приезжали в прошлый раз, но не сказал господину Фэю.

Дуань Лин хотел сказать Бянь Линбаю: «Я не сказал господину Фэю, поэтому и ты не должен этого делать», но Бянь Линбай неверно истолковал его слова. Подсознательно кивнув, он сказал:

— Верно. Хороший мальчик.

Дуань Лин чуть не рассмеялся, он даже не знал, что сказать.

Бянь Линбай осторожно слез с лошади, и они вдвоем заглянули в пещеру, мимо которой недавно пробежал убийца. Изнутри доносился прохладный сквозняк. Не посоветовавшись, Бянь Линбай пошел вперед, а Дуань Лин наложил стрелу, прикрывая спину. Когда стрела упиралась в шею Бянь Линбая, Дуань Лин не мог удержаться от дрожи.

Если он выпустит стрелу сейчас, то все будет кончено, но даже если он выстрелит в него сейчас, то не сможет уйти отсюда. Лучше сначала дождаться возвращения У Ду.

Бянь Линбай повернулся спиной к пещере и сказал:

— Заходи.

Дуань Лин осматривал местность на предмет следов и царапин, и внутри явно виднелся извилистый, петляющий путь, который вел самую глубь пещеры. Когда они добрались до ее конца, то обнаружили, что пространство выходит на подземный утес. Дуань Лин зашел свечу и сказал Бянь Линбаю, чтобы тот посмотрел — на краю обрыва были видны следы.

— Дядя, мы не можем идти дальше.

Лицо Бянь Линбая дрогнуло, как будто он о чем-то задумался.

— Посмотри вон там, сзади, — добавил Дуань Лин, — веревка.

— Сокровища точно должны быть здесь.

Бянь Линбай медленно кивнул.

— Мы откопаем их как-нибудь в другой раз, я попрошу господина Фэя выбрать для этого подходящий день.

— Пойдем.

Бянь Линбай преградил ему путь. Дуань Лину вдруг расхотелось его убивать, пусть и совсем чуть-чуть — ведь кроме желания выступить против империи и убить Хэлянь Бо, Бянь Линбай, казалось, не сделал ничего слишком уж предосудительного по отношению к нему самому.

Бянь Линбай обернулся и посмотрел на Дуань Лина со странным выражением в глазах, как будто его мысли были чем-то заняты. Тот как раз размышлял о том, когда же вернется У Ду, как вдруг Бянь Линбай выставил вперед ногу и зацепил лодыжку Дуань Лина. Тот не успел уклониться, упал к краю обрыва и громко вскрикнул.

Бянь Линбай молча смотрел на Дуань Лина с сожалением в глазах.

— Мне очень жаль, Жун-эр. Я все обдумал, и считаю, что чем меньше людей узнает об этом секрете, тем лучше. Во всяком случае, остальные члены семьи Чжао уже покинули нас, так что ты сможешь воссоединиться с отцом в подземном мире. На этом, пожалуй, все — дядя Бянь сожжет для тебя бумажных денег.

Затем Бянь Линбай сильно топнул по его руке, и с мучительным криком Дуань Лин покатился вниз с края обрыва.

К вечеру, не останавливаясь на отдых и двигаясь так быстро, как только может, У Ду уже прибыл в Сычуань.

Императорский указ о переносе столицы уже был объявлен, и в течение двух недель все знатные семьи покинут этот величественный имперский город, процветавший тысячу лет; в столице царило столпотворение.

«Где же канцлер?»

Считая с той ночи, когда он украл книгу, У Ду не спал уже три дня и две ночи, и его глаза налились кровью от усталости. Войдя в поместье, он первым делом искал Му Куанду, но внутри канцлерской резиденции было пусто, вокруг почти никого не было — должно быть, они заранее уехали в Цзянчжоу.

У Ду тихо выругался. Лучше бы канцлер не уезжал, иначе ему придется добираться до Цзянчжоу, а на это нет времени!

Чан Люцзюнь во дворе вместе с Му Цином пинал мяч, и когда зашел У Ду, они оба переглянулись.

Му Цин был ошеломлен тем, что он здесь.

— У Ду?! Где Ван Шань?! Куда вы запропастились?!

Чан Люцзюнь с подозрением взглянул на У Ду. Запыхавшись от поездки, он стоял, уперев руки в бока.

— Я ищу аудиенции у канцлера Му с неотложными военными сведениями.

Чан Люцзюнь презрительно усмехнулся.

— Ты зашел так далеко, чтобы даже сказать «ищу аудиенции»? Должно быть, это срочно. К сожалению, канцлер Му уже отправился в Цзянчжоу.

У Ду смотрел на него с молчаливой враждебностью. Он стоял во дворе и медленно достал свой меч.

— Чан Люцзюнь, — холодно произнес У Ду, — у меня срочные дела. Не принуждай меня к этому.

Му Цин думал, что У Ду просто шутит, и отошел от них, чтобы продолжить пинать свой мяч.

Чан Люцзюнь сменил выражение лица на спокойное, достал меч, и они сошлись лицом к лицу.

У Ду знал, что Му Куанда наверняка находится прямо здесь, в доме, ведь он боится смерти: он ни за что не уехал бы в Цзянчжоу один и не позволил бы Чан Люцзюню покинуть его.

— Что происходит? — донесся голос Му Куанды с этажа выше. — Что ты делаешь, У Ду?

Чан Люцзюнь убрал меч в ножны, только услышав канцлера, но У Ду продолжал держать клинок в руке, его глаза следили за каждым движением Чан Люцзюня.

Му Куанда встал между двумя убийцами и положил руку на запястье У Ду, после чего тот убрал Легуанцзянь в ножны. Он посмотрел на Чан Люцзюня и сказал:

— Я должен сообщить вам нечто важное, канцлер Му.

— Пойдем, поговорим здесь, — ответил Му Куанда и повел У Ду наверх.

На втором этаже комната была тускло освещена. У Ду, пахнувший потом, снял обувь и зашел внутрь.

— У Ду? — Цай Янь удивленно взглянул на него.

У Ду никак не мог ожидать, что нынешний наследный принц приедет в поместье канцлера Му по собственной воле. Кроме того, рядом с Цай Янем стоял сопровождающий, но это не был Лан Цзюнься.

— Его Высочество как раз искал тебя, — сказал Му Куанда. — Даже не думал, что ты вернешься раньше времени.

У Ду сначала поклонился Цай Яню, а затем с удивлением в глазах обратил внимание на сопровождающего рядом с ним.

Слуга был одет в темно-красный шелковый халат воина с вышивкой, он непристойно облокотился о стол, потягивая напиток. На его левой руке на большом пальце было нефритовое кольцо и три драгоценных перстня, а правая рука, держащая светящуюся нефритовую чашу, была обтянута перчаткой из шелка. От выпитого у него помутнело в глазах, и он, пьяно икнув, ткнул чашкой в сторону У Ду, давая понять, что ему стоит выпить.

— Что ты здесь делаешь? — хмуро спросил У Ду.

— Меня вызвал Его Величество, — плутовато улыбнулся молодой человек, и честно ответил, — поэтому я пришел. Какие-то проблемы?

— Чжэн Янь, вы знакомы?

Настала очередь Цай Яня удивляться.

— Угу...

Человек по имени Чжэн Янь рассеянно посмотрел на Цай Яня, а затем, улыбаясь, снова перевел взгляд на У Ду.

— Оставьте разговоры на потом, — сказал Му Куанда. — У Ду, что ты хотел мне сказать?

Учитывая, что Цай Янь и Чжэн Янь находились прямо здесь, У Ду ничего не говорил. Предположительно, Чан Люцзюнь не объявил о нем раньше из-за присутствия наследного принца в поместье. Разумеется, он не мог сообщить Му Куанде никаких подробностей, поэтому достал из-под лацкана плоский конверт, завернутый в масляную ткань, и протянул ему.

Му Куанда радостно произнес:

— Очень хорошо.

Затем он обратился к Цай Яню.

— Пришли новости от Чан Пина. Пожалуйста, дайте мне немного времени, чтобы разобраться с информацией, прежде чем я сделаю копию для Вашего Высочества.

— Все в порядке, — обратился к Му Куанде Цай Янь. — Я как раз думал попросить У Ду уладить для меня небольшой вопрос.

— Конечно.

Так Му Куанда выскользнул из комнаты, как того требовала ситуация, и закрыл за собой дверь, чтобы пойти прочитать письмо Дуань Лина.

После некоторого затишья Цай Янь сказал У Ду:

— Чжэн Янь — один из нас.

У Ду приложил палец к губам, давая понять, что сейчас не стоит говорить лишнего.

Цай Янь на мгновение задумался, затем кивнул и перешел к сути дела.

— Улохоу Му пропал полтора месяца назад. Он даже не оставил мне письма.

Чжэн Янь громко засмеялся.

— Хорошая птица сидит только на хорошем дереве, — сказал Цай Яню Чжэн Янь. — Ваше Высочество, вам следует перестать так сильно переживать.

В глазах Цай Яня появился намек на ярость: он явно был очень зол на грубость Чжэн Яня, но у него не хватало смелости что-либо с ним сделать.

У Ду сразу же понял, что произошло: Лан Цзюнься сбежал, не сказав ни слова, а Чжэн Янь взял на себя охрану наследного принца. Скорее всего, на эту должность его назначил именно Ли Яньцю.

Но Цай Янь, похоже, считал, что приказывать этому личному охраннику — дело непростое. По тому, как Чжэн Янь осмеливался перебивать Цай Яня, У Ду понял, что тот терпит его уже довольно долго.

— Сначала Улохоу Му предал покойного императора, а теперь он предал Ваше Высочество, — сказал У Ду. — Пришло время поймать его и предать суду.

Цай Янь вздохнул и взмахнул рукой.

— Ну, я же не осуждаю его, в конце концов, даже Чжэн Янь понятия не имеет, куда мог запропасться Улохоу Му... У Ду, если ты... если ты знаешь, где он вообще находится...

— Просто скажи все как есть, — нетерпеливо произнес Чжэн Янь. — Зачем ходить вокруг да около?

— Убирайся с глаз моих!

В ярости Цай Янь резко закричал на него.

У Ду почувствовал себя довольно неловко, но Чжэн Янь был настолько толстокож, словно его лицо дважды обтянуто плотью; он поднял свою чашку и, спотыкаясь, поплел к двери, распахнув и захлопнув ее за собой.

Выражение лица Цай Яня было настолько мрачным, что граничило с ужасом.

— Чем я могу помочь, Ваше Высочество?

Цай Янь на мгновение замешкался и наконец сказал:

— Я пришел сюда сегодня не только для того, чтобы поговорить с канцлером Му о переносе столицы, но и потому, что хотел, чтобы ты через свои связи нашел Улохоу Му.

У Ду на мгновение задумался и кивнул.

— Хотя Зал Белого Тигра и возглавляли четыре убийцы, к моему поколению нас почти не осталось. Поскольку Улохоу Му происходил из племени сянбэй, да к тому же истребил всю свою секту, он вряд ли станет подчиняться моим приказам. Но если Ваше Высочество

прикажет, я не могу гарантировать, смогу ли вернуть его живым, но, по крайней мере, я верну его труп.

Цай Янь не проронил ни слова. Его брови сжались в узел, как будто он пытался принять чрезвычайно сложное решение.

— Постарайся сделать все возможное, чтобы вернуть его живым, — наконец сказал Цай Янь.

У Ду кивнул. В дверь снова постучали, и вошел Му Куанда. Он сказал У Ду:

— Я понял, спасибо, что ты денно и ночью добирался до меня. Отдохни немного и поужинай, не забудь пополнить запасы сил. Мне нужно, чтобы ты выполнил еще одно поручение до наступления рассвета.

У Ду знал, что Му Куанда хотел отправить сообщение в Тунгуань, поэтому, скорее всего, согласился с предложением Дуань Лина. Он еще раз поклонился Цай Яню и вышел из комнаты, а Му Куанда сел напротив Цай Яня и расстелил на столе меморандум.

Солнце село. Проходя по извилистой галерее, У Ду увидел, как Чжэн Янь пьяно держит ножку своего кубка, разговаривая с Му Цином, а Чан Люцзюнь сидит перед галереей и внимательно разглядывает его, скрестив руки. Как только Чжэн Янь заметил У Ду, он подозвал его к себе.

— Давай, давай, давай, выпей со мной сегодня пару кувшинов вина — выпьем до дна!

Чжэн Янь направился к нему, но У Ду уже выхватил меч и приставил его к горлу Чжэн Яня.

— Мне нужно поспать, — холодно произнес У Ду.

Чжэн Янь только кивнул ему.

— Выпей со мной пару чашек, когда проснешься.

— Посмотрим.

У Ду убирал меч в ножны и бросил взгляд на Чан Люцзюня, а тот язвительно усмехнулся. У Ду не обратил на него внимания и поспешил обратно в домик на краю канцлерского поместья, в котором он жил с Дуань Лином.

Ничего не было тронуту, но посаженные Дуань Лином цветы завяли. У Ду не снимая одежды лег на кровать и тут же уснул.

<http://bllate.org/book/15657/1400651>